"Я буду сопровождать вас, леди Старк".

"Хорошо, тогда мы отправимся на следующий день. Нам понадобятся три самые быстрые лошади..."

Приготовления заняли вторую половину дня. Джон искал самую теплую одежду, какую только мог найти, и более легкую для путешествия к югу от Шеи. Он никогда не был в столице, поэтому расспрашивал других мужчин о том, что они знают. Миккен дал ему самый дельный совет: "Не высовывайся и продолжай двигаться. В городе жизнь идет быстрее, и если ты будешь медлить, то будешь бросаться в глаза".

После ужина Джон оказался в своей старой комнате, стоящей среди разбросанных мехов, сапог, перчаток и брюк. Он подобрал синюю тунику с дырами внизу и отбросил ее в сторону.

Приготовившись, он выглянул в окно и окинул взглядом знакомые каменные стены своего дома.

Дом... Джон почувствовал, как его захлестнула волна грусти. Раньше стены и башни Винтерфелла позволяли ему чувствовать себя в безопасности. Теперь же они лишь напоминали ему о той жизни, которой у него никогда не будет. Жизнь лорда. Джон вздохнул и сунул красную рубашку в дорожную сумку.

Они отправятся в путь на следующее утро. Джон задумался, что это значит для него, а затем - что это значит для судьбы Дозора. Пока Джон еще оправлялся от ранения в спину, он сказал леди Кейтилин, что ждет возвращения Бенджена, чтобы иметь возможность сопровождать его до Стены. Но, по правде говоря, Джон уже знал, что его дядя месяц назад покинул Черный замок в поисках сира Уэймара Ройса, и Бенджен Старк никогда не вернется из этого похода.

Джон покидал Север. Сколько времени пройдет, прежде чем он снова увидит Стену? Неужели это конец его вахты?

...она не закончится до моей смерти.

А как насчет второй смерти?

Джон взял пару толстых черных штанов и добавил их в мешок. Сочетание красного и черного навеяло воспоминания, и взгляд Джона метнулся к маленькому сундучку, тайно спрятанному под кроватью. Зная, что путешествовать надо налегке и быстро, Джон понимал, что не может взять с собой в Королевскую Гавань весь сундук и все его содержимое.

Добавив флягу из бурдюка, перчатки из оленьей кожи и, поразмыслив, еще одну, более легкую пару одежды, Джон быстро закончил упаковку. Сегодня у него будет последняя возможность порыться в сундуке в поисках улик, связанных с его рождением, так что лучше сделать это

сейчас.

Джон вздрогнул, когда замок двери с громким "лязгом" встал на место.

Он чувствовал себя виноватым, как будто содержимое сундука было запретным. Он никогда не спрашивал у лорда Старка разрешения взломать замок на сундуке. А ведь предмет был глубоко личным для них обоих. Лорд Старк никогда не рассказывал о родной матери Джона, а Джон давно перестал спрашивать.

В последний раз он спрашивал...

"Когда мы увидимся в следующий раз, мы поговорим о твоей матери".

Но этого так и не произошло.

Джон умылся, почистил зубы щеткой из конского волоса и переоделся в черный спальный халат. Призрак с любопытством наблюдал за тем, как он закрывает ставни на маленьком окне и подносит к кровати два фонаря, отбрасывая на меха красное сияние.

Без промедления Джон поставил сундук на кровать, и из него в беспорядке высыпались резной волк, одеяло и письма.

Выбрав наугад одно из писем, Джон поднес пергамент к свету и улегся под одеяло. Это была та самая запись в дневнике, которую он впервые увидел в Высокой башне. Дата в верхней части страницы была размазана и неразборчива. Хаотичные каракули покрывали большую часть помятой страницы, как будто автор пытался стереть написанное, а потом выбросил пергамент.

"Почерк отца", - сказал Джон Призраку. Призрак лежал, вытянувшись, полностью прижавшись к боку Джона. За прошедший месяц детеныш волка сильно вырос.

"... Я благодарен, что у мальчика нет отцовской шерсти. Глаза я могу объяснить, зная о моих государственных делах с Ашарой, но волосы? Кошка не знает, а я не могу нарушить свое обещание. И не нарушу. Мы по-прежнему не близки, она смотрит на меня с подозрением и остерегается говорить в моем присутствии. Я знаю, что мальчик вызывает ее гнев. Она ненавидит...", - тут слова были нацарапаны снова. Чернила потекли, бумага была порвана и помята. Глаза Джона перескочили на нижнюю половину страницы. "Я испытал его огнем, и на нем нет следов крови. Малыш не простил меня за то, что я обжег ему ногу. Это была небольшая травма, и я быстро замазал след..."

Джон прервался и уставился на родимое пятно в форме слезы на правой ступне. Родимое пятно. Не ожог. Остальная часть страницы была уничтожена водой. Джон отбросил бумагу в сторону и выбрал другую.

В глубине его сознания зазвучал ноющий голос: Кто этот младенец, о котором говорил его отец?

Нет, подумал Джон, разглаживая очередной клочок пергамента. В письме говорилось о "волосах его отца", а Нед Старк был его отцом. Должно быть, это был какой-то другой ребенок.

"Улыбающемуся дереву. Мне кажется, я знаю о тебе. Ты околдовала меня своим смехом, своим танцующим копьем, своим чарующим голосом. Я остаюсь твоей. Встретимся сегодня вечером под взглядом твоего Сердечного дерева. Твой Серебряный Принц".

Мысли Джона завертелись в голове. Улыбающееся дерево. Рыцарь Улыбающегося Дерева. Неизвестный соперник на турнире в Харренхолле, Джон слышал однажды историю о Рыцаре Улыбающегося Дерева. Рыцарь был случайной диковинкой на турнире, с которого началось восстание Роберта. Это были слова любовника или поклонника. Кем был Серебряный принц? Таргариеном?

Неужели Рейегар Таргариен предпочитал мужчин? Глаза Джона расширились, и он захихикал при этой мысли. Призрак беспокойно зашевелился во сне. Джон отбросил бумагу.

"Нед, я в безопасности, в Башне Радости, с моими защитниками, но я скорблю о новостях, которые ты мне сообщил. Выезжай с первыми лучами солнца. Мне недолго осталось жить в этом мире".

Джон уставился на незнакомый почерк. Женственные завитки и петли затронули его сердце. Неужели это были последние слова его матери? Невольно на глаза навернулись слезы. Слова "Мне недолго осталось жить на этом свете" расплылись под его дрожащими руками. Джон вдруг почувствовал себя обессиленным и лишенным сил. Повернувшись на бок, он задул фонарь и прижал Призрака к груди.

Последнее, что он увидел перед тем, как заснуть, был высохший, мертвый силуэт одинокой зимней розы.

http://erolate.com/book/3905/107951